

Сергей Кириченко

Сновидец

*«Писатель, который
живёт во сне...»*

Сергей Кириченко

**Сновидец. «Писатель,
который живёт во сне...»**

«Издательские решения»

Кириченко С.

Сновидец. «Писатель, который живёт во сне...» / С. Кириченко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740921-0

Мужчина оказывается на лазурном берегу райского острова. Обнаружив при себе тетрадь, он узнает, что является известным и очень успешным писателем, решившим начать новую жизнь. Девушка, которую встречает герой, рассказывает, что он находится в реанимации. Сам писатель о себе ничего не помнит. Находясь в коме, герой путешествует по чужим снам. Очнувшись, писатель понимает, что был не просто в коме, а исписанная тетрадь хранит в себе все подробности необычного путешествия...

ISBN 978-5-44-740921-0

© Кириченко С.
© Издательские решения

Содержание

О себе...	6
Сон 1. Знакомство	7
Сон 2. Лесник	10
Сон 3. Пропась	13
Сон 4. Поезд	15
Сон 5. Рай	18
Сон 6. Клуб	20
Сон 7. Ад	25
Сон 8. Странник	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сновидец
«Писатель, который живёт во сне...»
Сергей Кириченко

© Сергей Кириченко, 2016

© Виктор Поздняк, иллюстрации, 2016

Корректор Лидия Петровна Шамсутдинова

ISBN 978-5-4474-0921-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О себе...

Автор обложки Виктор Поздняк

Меня зовут Кириченко Сергей Андреевич. Именно так написано в паспорте. Родился в 1989-ом году 26-го июля, опять же, если верить главному документу гражданина Российской Федерации. Решил обойтись без псевдонима, так как не совсем понимаю, для чего он нужен. Хотя, если захотеть, в глобальной паутине можно отыскать меня под именами: Сергей Кирич, Сергей Сайрус, Сайрус. Не факт, что поисковая система поможет Вам, но если наткнетесь на каком-нибудь ресурсе, знайте, скорее всего, это Я!

Было время, когда я участвовал во всевозможных литературных конкурсах, но больших высот не добился. Может, оно и к лучшему...

Обычно здесь просят написать хронологию жизни, да будет так! Родился, учился, отдал долг родине, женился, воспитываю маленькую дочурку. Живу и работаю в Самарской области. В общем и целом, я счастлив!

Питаю любовь к мистике и эзотерике. Черпаю вдохновение из музыки, литературы и природы.

Можно долго «лить воду» и восхвалять мои труды (а иначе это не назвать), но все это будет бесполезно. Чтобы понять, о чем мое произведение, его, прежде всего, нужно прочитать.

Эта книга – мой первый серьезный проект. Надеюсь, Вам понравится!

Я могу расписать свою биографию на пять страниц, но зачем? Я обычный человек с не совсем обычной фантазией :-). Хотите познакомиться поближе? Всегда готов! :-)

Мои контакты:

E-mail: 19892607@mail.ru

VK: <https://vk.com/id38003353>

Twitter: <https://twitter.com/Sayrus19892607>

Послесловие: Хочу сказать СПАСИБО музыкантам, друзьям, родным и близким, а так же всем тем, кто так или иначе повлиял на мое творчество и на создание этой книги в частности. Без вас, ничего бы не вышло!

Сон 1. Знакомство

Он шел по белому песку, нагретому так, что не спасали даже старые, рваные кеды. Слева шумели волны бирюзового моря, справа стояли стройные ряды кокосовых пальм. Над головой прокричала чайка и растворилась в бездонном голубом небе. Было жарко, пот заливал глаза, от чего все вокруг расплывалось и принимало неестественный вид. Не спасал и легкий ветер с моря.

Человек брел по пустынному пляжу, пытаясь понять, где он находится и как здесь оказался. Он не помнил, как его зовут, кто он, чем занимается по жизни. Да и где живет, тоже не знал.

В голову приходили мысли о кораблекрушении и авиакатастрофе. Но никаких следов подобных происшествий он не обнаружил. Да и в самолет в таком виде могут не взять. Старая куртка из коричневого коже заменителя, зеленый шерстяной свитер, весь в затяжках. Джинсы, бывшие синего цвета, теперь вылиняли, а кое-где виднелись дыры. Старые кеды на босу ногу, с протертыми носами. Он остановился, чтобы прислушаться. Где-то там, впереди, за изгибом береговой линии звучала музыка, а значит, были люди. Человек хотел побежать, но ноги разъехались, и он упал на песок, выронив из куртки тетрадь с черной обложкой и простой карандаш. Ветер шелестел страницами то плавно их переворачивая, то пытаясь вырвать совсем.

Человек поднял тетрадь, на первой странице была одна небольшая запись:

«Я устал. Устал от всего. От себя самого, прежде всего устал. Не помню, кто сказал, что „если хочешь изменить мир, сначала изменись сам“. А как? Я долго над этим думал, и единственный вариант, на который пал мой выбор, заключался в изменении путем перерождения. А для того, чтобы родиться вновь, надо умереть. Есть два пути. Физический, но надо долго ждать, прежде чем я достигну способности что-то менять, и неизвестно, сохранится ли желание. Моральная смерть самая простая. Вокруг меня уже ходят толпы людей, которые мертвы внутри. Вот только жизнь в них зарождалась не торопится. Им и так хорошо. А я не могу. Я стал другим. Я как бы умер наполовину, стал таким, как они. Но я осознаю это, а, значит, еще живу. Мне надо умереть до конца. Стереть свое старое Я, погрязшее в зависти, лени, жажде наживы. Очистить разум и душу, чтобы поместить в себя нового человека. Я отрекаюсь от своего имени, дома, друзей и близких. Я уже никто и еще никто. Я – Писатель. И буду называть себя так, пока не найду себе нового имени. Все, что я писал до этого, хлам. Мусор, завернутый в кричащую обложку: „Купи меня, купи! Я все равно не принесу тебе пользы, потому что ты меня не поймешь!“ Черт! Да я и сам толком не понимаю, о чем писал. Поддался веянию моды. Погнался за деньгами, превратившись в средство для воспроизведения чужих идей. Может, я когда-нибудь вернусь, но это буду уже другой я. А пока, меня нет. Впереди новая жизнь и новый я...»

Он дочитал свою «предсмертную записку», когда ветер снова принес обрывки музыки.

Писатель (теперь он хотя бы знал, чем он занимается), поспешил на звук. Он бежал, сжимая в руке тетрадь. Но поворот не становился ближе. Пальмы сменяли друг друга, на песке возникали новые предметы, камни, ракушки, водоросли, обломки деревьев. Писатель уже решил, что стоит на месте, когда пальмы неожиданно расступились, и его глазам предстала невероятная картина.

На белом лежаке молодая девушка потягивала коктейль. Красный купальник, темные очки, светлые волосы, выбивающиеся из-под бежевой шляпки. Она так смаковала напитком, что у Писателя потекла слюна. Бронзовое тело блестело в солнечных лучах, видимо обильно смазанное кремом для загара. Вокруг девушки пританцовывали смуглые юноши с гитарами, бубнами и кастаньетами. Всего шестеро.

– Девушка! Девушка, извините, пожалуйста! – на ходу кричал Писатель, пытаясь привлечь к себе внимание особы. Музыка стихла. Девушка приподнялась на локти, грозно посмотрев поверх очков на того, кто посмел прервать ее идиллию.

– Ты кто такой? – вскрикнула девушка, но было заметно, что ругаться она не умела, поэтому суровость вышла очень наигранной. Музыканты сделали шаг в сторону возмутителя спокойствия, словно сторожевые псы, ожидающие команду.

– Писатель... – растеряно представился мужчина.

– Какой писатель? Вы что, с ума сошли? Убирайтесь немедленно отсюда! И не вздумайте портить мой сон! – продолжала ругаться бронзовая нимфа.

– Я не знаю, какой. А идти мне некуда, может и есть, да я не помню. Я вообще не знаю, как здесь оказался! Вы сами-то кто? С корабля или самолета? Сейчас всех потерпевших так встречают? – Писатель сел на горячий песок, сложив ноги в позе лотоса.

– Я не потерпевшая! Я медсестра. Я, между прочим, в реанимации работаю. У меня ночное дежурство, но пока все тихо, я сплю. В коридоре за столом. Устала я. А этот остров мне снится! Это мой остров, и испанцы тоже мои, я это выдумала! – девушка спустила ноги на песок, закрыла лицо руками и зарыдала.

– Так, мы что, в Испании?

– Нет! Мы в Таиланде!

– А откуда в Таиланде испанцы?

– Да какая тебе разница? Испанцы, значит испанцы! Мой сон, что хочу, то и делаю! Господи, свалился на меня еще один писатель! Что вам, медом намазано?

– Здесь есть мой коллега? – оживился Писатель.

– Да не здесь! А в реанимации! Привезли вчера одного. Документов нет, лицо и руки обожжены так, что узнать нельзя. Зато тетрадка черная, где...

– Где он говорит, что имени у него нет и называет себя писателем, – он перебил рассказ, после чего извлек из куртки ранее обнаруженную тетрадь и протянул девушке. Хлопая мокрыми ресницами, она перечитала запись.

– Но как это может быть? – уже спокойно и даже виновато произнесла девушка. – Как вас зовут? Мы разыщем родственников и...

– Да не помню я. Ничего не помню.

– Ну да! Понимаю. Черепно-мозговая травма, сильные ожоги лица и рук. Вас рабочие нашли в колодце. Все думают, вы бродяга. Решили погреться и залезли в колодец, где тепло-трасса проходит. Там какая-то железка сгнила, а вы на нее наступили. Вот вас паром и окатило. Благо, упали на дно. Если б зацепились за что-нибудь, могли свариться заживо. А так, может, еще выживете.

– А что я делаю в вашем сне?

– Не знаю, мне работа часто снится. Вы извините, я накричала на вас. Просто работы много, на отдых нет ни времени, ни денег, вот и приходится во сне мечтать. – Девушка виновато покраснела.

– Получается, я без сознания?

– Правильнее сказать, в коме. Но не беспокойтесь. Вы в хорошей больнице.

– Да уж, и на том спасибо.

Писатель перевел взгляд на море. Все-таки цвет был потрясающим. В голову пришла мысль, что если он придет в себя, обязательно напишет об этом рассказ, а может, даже книгу. Его размышления прервал странный звук. Казалось, он доносится не с какой-то стороны, а сразу со всех. Огромный невидимый звонок.

– Ой! Это меня! Извините, мне надо встать! Вы не переживайте, я о вас позабочусь! – голос девушки звучал отдаленно, словно она стояла на другой стороне оживленной улицы, хотя на самом деле была в нескольких метрах от него.

– А мне – то что делать?

– Постарайтесь прийти в себя! – Девушка начала растворяться, словно пустынный мираж, а ее слова эхом доносились откуда-то сверху.

– Легко сказать! «Приди в себя!» Знать бы еще, где он этот я! – неожиданная усталость навалилась на Писателя, и, откинувшись на спину, он заснул...

Сон 2. Лесник

Он пришел в себя от громкого звука. Была ночь. Упругие струи дождя больно били по оголенным частям тела. Сверкнула молния, после чего раздался оглушительный раскат грома. Гром его и разбудил. Во время очередной вспышки, Писатель успел немного оглядеться. Он был в лесу. В обычном смешанном лесу. И ни пляжа, ни пальм уже не было. Зато была старая дорога, почти заросшая травой. Писатель шел в темноте, разглядывая путь лишь во время коротких вспышек молнии. Было холодно. Он вспоминал остров, девушку, испанцев. Не верилось, что они, действительно, были. А может, это сон? Может, он просто лежал без сознания, пока его не привели в чувство дождь и гром. Но он по-прежнему не помнил, кто он.

Во внутреннем кармане куртки лежала все та же тетрадь. Он ощущал ее, но проверил, чтобы знать наверняка. Его совершенно не волновало, куда идти. Если этот лес настоящий, то дорога его куда-нибудь да выведет. Да и дождь рано или поздно кончится. А если это очередной сон, то и вовсе волноваться незачем. Размышления о будущем прервались, когда между деревьями мелькнул свет. Он свернул с дороги на узенькую тропу. Свет становился все ярче. Еще пару шагов, и перед ним предстал небольшой деревянный дом. Писатель уже подошел к приоткрытой двери, когда в спину уперлось что-то холодное.

– Стоять! Кто такой? – раздался мужской голос.

– Писатель, – дрожащим голосом ответил он.

– Что? Опять? Да сколько можно? Или ты врешь? Давай полное имя, клуб и прочее.

– Я не помню.

– Как это?

– Скажите, а это сон?

– Ты что, меня за идиота держишь? Я ща шмальну, и будет тебе вечный сон. Кому сон, а кому реальность.

– Значит, все-таки сон.

– Слышь, писатель, достал ты меня! Или говори, кто ты, или я за себя не отвечаю! – ствол больно уперся в позвоночник.

– Я Писатель! Я в коме лежу! У меня, кажется, амнезия. Я, правда, ничего не помню. Не стреляйте, пожалуйста.

– Ха, ну ты фрукт! Значит, то, что ты писатель, ты помнишь? А как зовут, не знаешь? С кем ты тут? – голос звучал приглушенно из-за шума дождя.

– Да я и этого не помню! Так написано в тетради! Я, на самом деле, сейчас не здесь, а в реанимации в коме! Понимаете?

– Повернись, только медленно.

Писатель начал плавно поворачиваться через левое плечо. Он увидел высокого мужчину. Насколько позволяла ночь, разглядеть удалось, что в руках у него был автомат, одет в плащ, с накинутым капюшоном, полностью скрывающим его лицо.

– Руки не опускать! Где твоя тетрадь?

– В куртке.

– Расстегни замок, только смотри без глупостей!

Писатель так же медленно расстегнул куртку. Ему даже не пришлось доставать тетрадь. Она сама почти выпала. Мужчина резким движением вытащил ее, но прежде чем открыть, топнул ногой, после чего дождь прекратился. Страницы вспыхнули белым светом, и голос писателя стал зачитывать записку. Автор стоял с поднятыми руками, не веря всему происходящему и одновременно осознавая, что это, действительно, сон.

– Ладно, верю! Пошли в дом, – опустив автомат, скомандовал человек в плаще. Дом, снаружи казавшийся хижиной лесника, внутри был настоящим дворцом. Хрустальные люстры

свисали с потолка, украшенного фресками с изображением святых. Помещение было наполнено мягким теплым светом. Он отражался от янтарных стен, позолоченных дверей и мебели с дорогой обивкой.

– Пошли к камину! Согреемся! – хозяин прошел через комнату, не снимая сапог, оставив на лакированном паркете шлепки грязи. Возле камина находились два кресла с маленьким журнальным столиком, на котором стояли две чашечки кофе. Плюхнувшись в кресло, хозяин снял капюшон. Теперь его лицо скрывала маска с прорезями для глаз.

– Неудобно как-то, мокрый я и грязный – смутился писатель, глядя на кресло.

– Хочешь, я тебе табуретку сделаю? – засмеялся хозяин и щелкнул пальцами. Секунда, и Писатель оказался в кресле напротив него.

– Значит, ты не в курсе, что с тобой происходит?

– Частично.

– Ну, ты находишься в моем сне. Меня, кстати, можешь называть Лесник. Ты играл в компьютерные игры? В такие, где реальные люди играют друг против друга. Как думаешь, много было бы желающих воплотить эти игры в реальность? Конечно, люди соревнуются в гонках и даже стреляют друг в друга шариками с краской. Но все это не то. Не хватает реальности, понимаешь? Бои гладиаторов – одно из первых воплощений виртуальных игр. Они собирали толпы людей, а все из-за чего? Людям нравится смерть. Любовь к ней длится ровно до тех пор, пока не наступит их очередь. Ты попал в одну из игр. Есть глобальная сеть Интернет, а есть еще более глобальная сеть сновидений. Ты даже представить себе не можешь, какие это возможности. Ведь сны видят даже те люди, которые про интернет и не слышали.

– А если человек не видит снов?

– Глупости! Все видят сны. Просто некоторые из них не запоминаются. Сновидения – это моя профессия. Таких, как я называют, Сновидцами. Я не просто вижу сны, я их создаю. Это непростые сны. Они осознанные.

– Для чего это все?

– Пообещай мне, что если ты когда-нибудь вернешься, то напишешь об этом книгу?

Писатель задумался, но потом кивнул. Решив, что он ничего не теряет.

– Это бизнес. Да, все просто. Всему виной деньги. У меня во сне есть все – он указал рукой на роскошную обстановку. – Но что бы видеть сны, мне надо спать, есть, пить и пребывать в спокойствии. У меня очень удобная работа. Мне платят за сон. Чем больше я сплю, тем богаче становлюсь. Конечно, у меня есть свои обязательства перед заказчиками, но все хлопоты окупаются сполна.

– Заказчики? Тебе заказывают сны?

– Именно! Как я уже говорил, это игра. Стрелялка. Люди стреляют друг в друга, режут, бьют. И все по-настоящему. Но во сне. В большинстве случаев дело обходится ранениями. Человек получает ранение и выбывает из игры. Просыпается живым и здоровым. Хотя, бывали случаи, когда игроки перестали осознавать иллюзорность всего происходящего. Они возвращались в реальность с настоящими ранениями. Не обошлось и без смертей. Но спрос от этого меньше не стал.

– А почему ты в маске?

– Анонимность. Одно из главных условий игры. Ты тот, кто ты есть, в реальной жизни, но во сне ты можешь стать кем угодно. Если человек обратился ко мне, значит, он жаждет адреналина и крови. Можно сказать, что это новое средство от стресса.

– Если за это надо платить? Тогда что здесь делаю я?

– Вопрос! Но сдается мне, ответ на него только один. Ты, сноходец. Ходишь по чужим снам. Не спрашивай, зачем. У тех, кто делает это осознанно, свои интересы. А ты – жертва обстоятельств.

– И что мне делать?

– Хочешь, жди, пока я проснусь, хочешь, иди дальше. Если умеешь. Я, конечно, могу тебя выкинуть, но раз ты находишься в коме, ни к чему хорошему это не приведет. Оставайся. Будешь моим гостем! Мне надо отлучиться. Я скоро вернусь.

Лесник ушел. За окнами снова полил дождь. Писатель смотрел на огонь в камине и размышлял обо всем происходящем. Неожиданно он понял, что начинает забывать тот пляж, на котором оказался впервые. Пальмы, испанцы, девушка. Все принимало расплывчатый образ. Он подумал, что терять такой сюжет – непростительная глупость, и стал записывать в тетрадь все, что с ним произошло. Речь шла о встрече с Лесником, когда за окнами прозвучал выстрел. В ответ раздалась автоматная очередь. Некоторое время было тихо, но потом все повторилось. Выстрел, и очередь. В дом вбежал окровавленный Лесник, на ходу перезаряжая автомат.

– Слышь, Писатель!? Кажись, закончилась наша встреча, ты уж не обижайся. Но конкуренты меня и здесь достали. – Дверь открылась, и Лесник выпустил в нее весь рожок, после чего упал на пол.

– Беги, Писатель! – прошептал Лесник, захлебываясь кровью, а потом исчез, оставив после себя бордовую лужицу. В дом вбежали какие-то люди с оружием. Писатель хотел что-нибудь сделать, но не смог. Усталость поглощала его. Он засыпал, чтобы проснуться в очередном сне...

Сон 3. Пропась

Солнце проникало сквозь закрытые веки. Чувство, когда ты уже не спишь, но глаза еще закрыты. Нега! Вот только, судя по ощущениям, лежал Писатель не в мягкой постели, и даже не на старом жестком диване.

– Интересно, а сейчас я где? – подумал он. Ему было интересно и страшно одновременно. Кожа ощущала тепло солнца и легкое дуновение ветра. Лежать было не очень удобно, и Писатель решил открыть глаза.

Он лежал на зеленом лугу, среди трав и цветов. По небу медленно плыли кучевые облака, подгоняемые ветром, несущим в себе сладковато-терпкий аромат. Должно быть, так пахли цветы. Писатель поднялся. Цветущий луг был окружен с трех сторон черными, словно выжженными, деревьями. Заходить в этот мертвый лес ему не хотелось. Утренняя роса белой дымкой поднималась кверху. Туман, висевший белой пеленой, расступился, и писатель увидел город.

Городской шум казался ему музыкой. Писатель побежал. Звуки становились ближе, он уже смог различать строения и машины, когда луг неожиданно кончился. Вместо него в земле зиял огромный разлом. Пропась без конца и края. Слева и справа бездна простиралась до самого горизонта. Писатель побежал направо в надежде, что пропась закончится или он найдет мост. Бежал он долго. Солнце палило в полную силу. Оно словно хотело сжечь человека, бросившего вызов пропасти. И он все-таки достиг края. Вот только заканчивалась пропась все тем же мертвым лесом. Писатель отважился войти в него, но попытка не увенчалась успехом. Деревья и сами ветки, были покрыты острыми шипами, которые издали были незаметны. Они впивались в кожу, оставляя жгучие кровоточащие раны. Обливаясь потом, почти теряя сознание, Писатель упал на траву. Он думал, стоит ли идти в другую сторону? Что если там тоже лес?

Писатель смотрел на город, как на спасительный остров. Некое чувство шептало, что ему надо туда попасть. Где-то там есть ответы на вопросы. Впрочем, все ответы есть и в тетради. Он добился того, чего хотел. Стер сам себя. Но он верил. Верил и надеялся попасть по ту сторону пропасти. Писатель поднялся и, насколько мог, быстро пошел в другую сторону. Под ногами шелестела трава. Время от времени он слышал, как вниз срываются комья земли. А город жил в своем ритме. Маленькие фигурки людей суетились на пыльных улицах. Автомобили, стоявшие в пробке, возмущенно гудели, выкидывая в атмосферу выхлопные газы, отчего прозрачный смог над городом имел серо-синий оттенок. Писатель иногда чувствовал запах пыли и бензина.

– Там грязно, шумно и нечем дышать. Но я хочу туда, – думал Писатель, глядя на остров цивилизации. Он не стал даже подходить, когда увидел, что пропась снова кончалась стеной мертвого леса.

– Кому снится этот чертов сон? – в сердцах крикнул Писатель, но крик растворился в иллюзорном пространстве сна.

Писатель сел на траву и достал тетрадь. Он перечитал записи о новой жизни, знакомстве с медсестрой и встрече с Лесником. Всмотрелся в глубину городского муравейника. Ему хотелось крикнуть, позвать на помощь, но он знал, что все это бесполезно. И стал писать.

«Я сижу у края пропасти, словно у могилы. Кто автор этого сна? За что он так со мной? Впрочем, он может и не знать о моем существовании. Я всего лишь крупинка среди миллиардов снов. Возможно, этот сон видит кто-то из жителей города. Но что будет дальше? Сколько еще он или она будет спать?»

События не заставили себя ждать. Противоположная сторона пропасти начала осыпаться. Камни срывались и до этого, но теперь это был настоящий обвал. Тонны породы летели вниз, пропась подбиралась к городу. Писатель попытался встать, но не смог. Некая сила прижала

его к земле. Единственное, что он мог делать, это смотреть. Пропась замерла у самого города. Писатель видел, как люди подходят к краю и смотрят в бездонную глубину.

– Что вы делаете? Не стойте там! Бегите! Спасайтесь! – мысленно кричал Писатель, но люди не слышали его. Они толпились разноцветной стеной, сами того не зная, что заглядывают в глаза собственной смерти. А потом случился обвал. Люди падали медленно, словно кто-то хотел, чтобы они осознали все происходящее. Писатель плакал, но даже слезы не мешали видеть этот ужас. Вслед за первыми жертвами в бездну стал погружаться и весь город. Улица за улицей исчезали в черной пасти хищной пустоты. Бурое облако пыли висело на месте города, когда Писатель смог двигаться. Пыль оседала на одежду, траву и тетрадные страницы.

«Он исчез. Его больше нет. Я хочу верить в обратное, но не могу. Все случилось на моих глазах. Если этот сон снился кому-то из жителей города, то почему я еще здесь? Должен быть кто-то еще. Мне кажется, когда осядет облако пыли, я увижу на той стороне злого гения, придумавшего все это. Я чувствую, как он смотрит на меня. Он меня видит! Боже, он меня видит!»

Писатель всматривался в толщу взвешенных частиц, пытаясь разглядеть, что там впереди. Когда облако рассеялось, никакого злодея там не было. Лишь узкая зеленая полоска травы, за которой высилась серая стена сухого леса.

И никого больше – только он, лес и пропасть. В голове еще крутилась мысль, когда сознание снова покинуло его.

Л

Сон 4. Поезд

*Тишину взрывая грохотом колёс,
Света дня не зная, он гонит паровоз.
Жар хмельной да снов дым – к чёрту тормоза!
Огоньком недобрым горят его глаза.
(с) Mordor – Машинист*

Холод. Первое, что испытал Писатель, когда пришел в себя. Он лежал на грязном полу пассажирского вагона. Ветер разносил старые газеты, врываясь в разбитые окна. Людей не было. С трудом поднявшись, Писатель взялся за поручень, покрытый сажей. Обернувшись, он увидел дверной проем. На темных полосах рельсов отражался бордовый свет заходящего солнца. Тяжелые тучи сгустились над выжженной землей. Казалось, чем сильнее возрастала паника, тем громче стучали колеса. Он шел по вагону, разглядывая пустые плацкарты. В вагоне было много личных вещей, свидетельство того, что пассажиры здесь все-таки были. Складывалось ощущение, что в спешке они просто забыли взять одежду, сумки, книги. В тамбуре лежала мягкая детская игрушка, напоминающая медведя или собаку. Писатель переходил из вагона в вагон и везде наблюдал одно и то же. Выбитые окна, разбросанные вещи и слой сажи.

– Похоже, я единственный пассажир этого поезда, – фантазия рисовала безрадостную картину. Что если машиниста тоже нет? И поезд несется сам по себе. Он открыл дверь вагона-ресторана и замер. Между столов стоял человек и рылся в куче пустых бутылок.

– Прости, пожалуйста! – окрикнул его Писатель, отчего человек вздрогнул и выронил одну из бутылок. Черная спецодежда, отвертка в нагрудном костюме. Все указывало на то, что он не пассажир, а один из членов персонала. Человек был очень худым. Лицо и руки перепачканы сажей, из-под черной кепки виднелись седые волосы. Глаза ввалились вглубь потемневших глазниц. Сухие потрескавшиеся губы дрожали, словно боясь произнести слово. Писатель стоял в нерешительности, и человек сам пошел к нему. Казалось, у него не гнутся колени. Он приблизился к Писателю почти вплотную и медленно дотронулся до его лица.

– Человек! Живой человек! – прохрипел он, и прозрачная слеза скатилась по грязному лицу. – Пойдем! – мужчина схватил Писателя за руку и потащил через состав, двигаясь быстро и ловко, словно это не он минуту назад был похож на живого мертвеца.

Писатель еле поспевал за проводником. Нет, он не знал наверняка его профессию, но если судить по тому, как двигался этот человек, можно было смело сказать, что этот поезд он знает как свои пять пальцев. Его внешность немного пугала Писателя.

– Наверное, примерно так выглядел Робинзон Крузо, когда встретил Пятницу. Черт, сколько едет этот поезд, если он так рад увидеть живого человека? И где все пассажиры – роились мысли в голове Писателя. Одно лишь слово крутилось в голове: «Живой!». Вероятно, пассажиры не просто покинули поезд, если, конечно, вообще покидали.

Они почти бежали. Писатель постоянно спотыкался о разбросанные вещи. Один раз вагон качнуло слишком сильно, и, зацепив ногой большую дорожную сумку, Писатель рухнул на пол, приложившись головой о нижнюю полку плацкарты. Проводник протащил его несколько метров, пока не обернулся.

Писатель разбил левую бровь. В глазах темно, голова кружится, а этот «зомбиподобный» гражданин продолжает тянуть его за собой.

Проводник одним движением поднял Писателя с пола. Резкий запах пота, сигарет и перегара подействовал на него лучше всякого нашатыря.

– Пойдем! Пойдем скорее!

– Куда? – не выдержал Писатель, все еще жмурясь от боли.

– К машинисту! И помощник его там! Как же хорошо, что я тебя нашел, ты ведь даже не представляешь!

– Да куда уж мне, – буркнул Писатель, и они снова двинулись вперед. – Зато машинист точно есть! – подумал он, перешагивая через очередную кучу хлама. Пройдя еще два вагона, проводник остановился. Спрятав бутылку водки во внутренний карман кителя, он внимательно посмотрел на Писателя.

– Дальше придется лезть, – сухо произнес проводник и открыл дверь тамбура. Писатель потерял дар речи. Он не верил своим глазам. Состав был прицеплен к паровозу. Проводник карабкался по открытому вагону, груженному углем. Ноги уверенно ступали по черным булыжникам. Он обернулся, протянув руку Писателю. Вагон был ниже пассажирского, и Писатель отказался от помощи, но, поднявшись, понял, что без нее не обойтись. Над их головой простирался черно-белый шлейф пара и дыма. Он резал глаза, пробирался в легкие терпкой горечью, не давая дышать. Но проводник этого не замечал и спокойно шел дальше. Преодолев расстояние между вагоном и паровозом, он молча смотрел на спутника. Писатель смотрел вниз. Там с бешеной скоростью пролетали рельсы, по которым громко стучали колеса. Он представлял, что падает в это промежуток, и тонны железа перемальвают его в фарш, куски которого будут разбросаны на десятки километров. Проводник призывно вытянул правую руку. Отступив на несколько шагов, Писатель рванулся вперед. Может, ему не хватило скорости или камень ушел из-под ноги. Он все-таки сорвался вниз, но жилистые руки проводника успели его схватить. Втащив попутчика на крышу, он стал спускаться в будку машиниста. Сделать это оказалось намного проще. Сбоку от двери имелась лестница. Проводник скрылся за тяжелой железной дверью. Писатель спустился по лестнице, встав на узкую подножку в тот момент, когда поезд входил в поворот. От крена дверь распахнулась, и горячий воздух вырвался из будки наружу. Писатель вошел в тот момент, когда проводник передавал машинисту бутылку. Слева от двери, сидя на железной табуретке, привинченной к полу, спал третий член экипажа. Черная кепка была опущена на глаза, одна рука свисала вниз, в другой зажат стакан с темной жидкостью. Вытянутые ноги плавно качались в такт движению поезда.

Машинист – высокий худощавый мужчина. Черная спецовка была изъедена мелкими дырами. Кожа покрыта сажей. Он выглядел как проводник или как спящий в углу коллега. Но что-то его отличало от них. Писатель не сразу понял, что это были глаза. Если у проводника они были тусклыми, точнее сказать, безжизненными, мертвыми, то у машиниста они горели жизнью. Но Писатель никак не мог определить их цвет.

– Где Ваш билет? – прервал его размышления голос машиниста.

– Что, простите? – шум паровоза глушил звуки, словно пропуская их через вату.

– Билет, говорю, твой где? Где ты сел и куда едешь? – машинист навис над самым лицом Писателя, обдавая его лицо уже знакомыми ароматами сигарет, перегара и нечищенных зубов.

– Я не знаю, – честно признался пассажир.

– Отлично! Еще один ничего не знающий и не понимающий идиот! Поздравляю! Будешь четвертым! Помощник, належь гостю и кочегару освежи! – распорядился машинист, хлопнув Писателя по плечу.

Проводник, оказавшийся помощником машиниста, дрожащими руками разлил водку по трем грязным стаканам и, как было велено, разбавил черную жижу в стакане кочегара. Машинист открыл топку, осветив будку светом адского пламени. Кинул несколько лопат угля и закрыл скрипучую дверцу. Свет пропал, но когда машинист повернулся, пламя бушевало в его глазах. Он опрокинул стакан и занюхал засаленным рукавом. Писатель тоже выпил, обдав нутро гжучей горечью теплой водки. Кочегар по-прежнему спал.

– Так ты говоришь, Писатель? О чем пишешь? – спросил машинист.

– Не знаю, как объяснить. Если коротко, то я записываю сны.

Машинист замолчал, загадочно улыбаясь, а потом неожиданно разразился вспышкой гнева:

– Я вот тоже ни черта объяснить не могу! Едем мы едем, а уголь с водой не кончаются. Нет ни городов, ни станций! Даже пассажиров нет! Откуда ты взялся? На ходу запрыгнул? – он тряс Писателя за грудки. – Семафоры не горят, ты понимаешь! Не горят! Что делать, Писатель? А?

– Думаю, вам надо проснуться, – неуверенным сдавленным голосом ответил Писатель

– Что? – машинист ослабил хватку, обжигая его огненным взглядом.

– Понимаете, вам, точнее нам, все это снится. Надо проснуться, и кошмар закончится.

– Что за бред? Один сон не может сниться всем сразу!

– Уверю, что может.

Машинист хотел что-то сказать, но его отвлек стук падающего стакана, который выпал из рук спящего кочегара. Он отпустил писателя. Подошел к кочегару и стал его будить.

– Эй! Вставай! Вставай, я тебе говорю!

От сильной тряски с головы кочегара слетела кепка, обнажив белок закатившихся глаз.

Машинист отшатнулся.

– Мост! Я вижу мост! – закричал помощник.

Оставив мертвеца, машинист подошел к окну.

– Че стоишь? Карту давай! – крикнул он на помощника.

– Так нет у нас карты.

– Как это нет?

– Вы ее сами выкинули три дня назад. Без пользы мол, все равно ориентиров никаких, лишь поля голые.

Машинист завыл.

– Как? Как мы теперь узнаем, где мы?

В будке воцарилась тишина.

Мост приближался. Ржавый металл перил чернел на фоне свинцового горизонта.

Машинист о чем-то спорил с помощником, мертвый кочегар продолжал раскачиваться, сидя на железной табуретке, Писатель молча смотрел в окно. Он первым заметил, что у моста нет опор. Перилла лишь создавали видимость, между ними была пустота.

– Эй, вы! Посмотрите! – он прервал спор напарников.

– Твою то мать! – машинист дернул рычаг тормоза, но было понятно, что остановить такую махину он не успеет.

Недолго думая, помощник выпрыгнул из будки, кувыркаясь по обгоревшей земле.

– Давай за ним! – кричал машинист.

– Зачем? – улыбался Писатель.

– Сдохнешь ведь, придурок!

– Это просто сон, – ответил Писатель и зажмурил глаза. Состав летел в пропасть. Пламя вырвалось из топки, поглотив машиниста и Писателя. Они уже не чувствовали боли, когда последний вагон достиг дна.

«Смерть – это всего лишь пробуждение, а оно не всегда бывает приятным!»

Сон 5. Рай

«Я готов умирать сто раз, чтобы вновь и вновь возвращаться сюда». Карандаш скрипел по испачканной сажей странице. Воздух, насыщенный запахом цветов и меда, дурманил Писателю голову. Ему не хотелось описывать последнее приключение, но он знал, если этого не сделать, все забудется.

Высокие стройные березы о чем-то шептались, купаясь в ярко-бирюзовом небе. Писатель снял кеды, чтобы пройтись по сочной зеленой траве. Утренняя роса приятно холодила ноги. Выйдя из березовой рощи, он спустился в небольшой овраг, где протекал прозрачный холодный ручей. Писатель испил воды. По-прежнему не помня, как его зовут, он точно знал, что ничего вкуснее еще не пробовал. Птицы пели песни, купаясь в прохладном воздухе. Он шел по зеленому лугу, наслаждаясь природой и покоем, когда его окрикнули. Обернувшись, Писатель увидел человека. Его одежда ослепляла своей белизной. Волосы золотились, словно нимб. Человек улыбался. Было ощущение, что он не касался травы, плыл над ней.

– Здравствуй! Я провожу тебя! – мягкий голос звучал легко и спокойно.

– Куда?

– Туда, куда ты идешь.

– Но я не знаю, куда иду.

– Это неважно. Нам с тобой по пути.

– Кто ты?

– Я – Ангел.

Он взял Писателя за руку. И они поплыли над лугом, вдыхая сладостный запах цветов. Они миновали луг, который кончался утесом. Вид, открывшийся с него, поразил Писателя. Он увидел золотой город, окруженный морем цветов. В городе были люди, одетые во все белое. Они смеялись. Ангел снова вел Писателя, погружая в пеструю скатерть цветущего луга. Чарующая музыка звучала над этим оазисом. Солнца не было, свет исходил от трав, цветов, одежд и стен. Писатель шел за Ангелом по золотой лестнице, ведущей вверх. Им улыбались люди. Музыка становилась все громче. Лестница закончилась большой круглой площадью с фонтаном в центре. Розовые струи насыщали воздух приятным ароматом. Ангел наполнил золотой кубок, украшенный драгоценными камнями, и протянул Писателю.

– Выпей!

– Что это?

– Вино.

– А вино разве не грех?

– Здесь нет греха! Это же Рай! Раз есть, значит можно! – посмеялся Ангел. Писатель сделал глоток. Приятное тепло разлилось по телу, и они пошли дальше.

Вся площадь была заполнена людьми. Они уважительно расступались перед Ангелом и его спутником. Над площадью высился огромный замок. Как и все в этом городе, он сиял золотом. К замку вела длинная лестница. Тяжелые двери замка распахнулись. Широкий просторный коридор был разделен двумя рядами круглых колонн, поддерживающих высокий потолок. Своды потолка были украшены фресками, на которых изображены белокрылые ангелы в окружении святых. Они смотрели сверху вниз живыми глазами. Писатель даже как-то вжался, ощущая на себе тяжесть взгляда. Ноги его утопали в мягком ковре с таинственной мозаикой узора. Коридор заканчивался аркой, занавешенной нитями с хрустальными шариками. Ангел развел сверкающие струи, и приятная мелодия разлилась по коридору. Огромный сверкающий зал открылся взору Писателя. Стены, пол и потолок были украшены золотом и драгоценными камнями. Богатство туманило рассудок. В центре находился трон с распротёртыми ангельскими крыльями, на котором восседал крупный мужчина в белом одеянии,

расшитом золотыми нитями. Корона, словно нимб, светилась над его головой. Вокруг трона было много женщин. Писатель не мог их посчитать. Запахи духов пьянили его. Их было очень много. Каждая держала в руках либо подносы с едой, либо с выпивкой. Мужчина нежился на троне, купаясь в любви и внимании прелестных женщин. Заметив гостей, мужчина сошел с трона. Ангел склонил голову, встав на одно колено. Мужчина поспешил поднять его, при этом уронив корону. Не заметив потери, он направился к Писателю, протянув большую, крепкую руку. Писатель заметил, что, несмотря на свой вид и положение, мужчина был добр и весел. Лысая голова смешно бликовала в золотистых лучах.

– Привет! Ты кто? – голос мужчины звучал одновременно громко и спокойно.

– Писатель.

– Настоящий? – удивился он.

– Ну, наверное.

– Класс! А я... – мужчина обернулся, взглянув на женщин, и понизил голос до шепота. –

Они зовут меня Хозяин, но, по-видимому, с кем-то путают. Я сижу и боюсь, что придет настоящий Хозяин, а тут я на его месте. Ужас!

Писатель понимающе кивнул.

– Да ты проходи, не стесняйся! Утощайся! Ешь, пей, жуй... – Хозяин громко засмеялся.

Он уже не казался таким большим и серьезным. Теперь это был обычный мужчина средних лет. Его серые глаза напоминали две маленькие пуговицы. Мужчина поднял корону и осторожно надел на голову. Писателя окружили девушки. Брюнетки, блондинки, рыжие, русые, каждая из которых хотела угодить гостю. Писатель принимал дары, расплываясь в сладкой истоме. Он тонул в этом океане запахов, вкусов и женских тел. Очередной сорт вина искрился в золотом кубке Писателя, когда над его ухом раздался вкрадчивый голос Хозяина.

– А может, он все-таки не придет?

– Кто?

– Ну, Хозяин. Тот, что настоящий!

– Конечно, не придет! Это же твой сон! Ты и есть Хозяин.

Мужчина несколько секунд удивленно смотрел на собеседника.

– Сон?

– Ага, – вино пришлось по вкусу Писателю.

– Что же мне делать?

– Да делай что хочешь! Только не просыпайся...

Сон 6. Клуб

*Тысячи лет
Он готовил свой сет,
И сейчас он сверяет свой микс
По движенью планет.
(с) Mordor – DJ Voorda*

Стоя на слабо освещенной улице, он словно чего-то ждал. «Все, что должно произойти, случится само собой. Без моего участия», – Писатель встал под желтый свет фонаря и достал тетрадь. От нее еще пахло духами и вином. Что-то было не так.

«Меня тревожит некое чувство вины, и я никак не могу понять, почему. Ведь сон был чужой, а, значит, я не виноват. Мало ли кому что снится, так что ж теперь, каждый раз себя за это осуждать?» – писатель задумался. Наверное, недавно прошел дождь, на тетрадь упало несколько капель воды, да и асфальт был мокрым. Но думал он не о дожде, а о том месте, где был совсем недавно. Мысли текли одна за другой, увязываясь в общий поток размышлений, пока не появилась мысль, нашедшая отклик в сердце.

«Меня обманули! Это был не Рай! Алкоголь и женщины, мыслимо ли такое в святая святых? И я поверил! Повелся на грамотно придуманную уловку. Теперь я понимаю, почему меня мучает чувство вины. Я виноват, потому что верил. Конечно, я далеко не образец для подражания в плане Веры. Я не верил и не верю в искренность церкви. Но помню, как много лет назад один старик сказал, что Бог должен быть в душе.

– Чтобы верить, зданий не нужно! – тогда я не понял, что это значит. А теперь, теперь я не понимаю, что со мной происходит. Да, я знаю, что лежу в больнице на грани жизни и смерти. Интересно, чья возьмет и когда это случится? Это я еще ада не видел, если в раю такое творится, что же там? Но, скорее всего, этот рай принадлежит только своему Хозяину. Ведь это был всего лишь его сон».

Размышление прервал скрип железной двери здания напротив, выпустив наружу звуки клубной музыки. В дверном проеме стоял человек.

– Ну вот, кажется, началось, – подумал Писатель и направился в сторону человека. Им оказался охранник. Он как раз прикуривал сигарету, когда подошел Писатель.
– Здравствуйте! Сигареткой не угостите?

Охранник молча протянул пачку и зажигалку. Сигареты были отвратительны. Горькие, с непонятным запахом. Он закашлялся. Охранник улыбнулся, выпустив струю белого дыма.

– Можно войти?

– Валяй.

– Только у меня денег нет.

Охранник небрежно махнул рукой.

Вспышки цветомузыки слепили глаза. Тяжелый бас давил на уши. Но это несколько не смущало танцующих людей. Бармен не успевал готовить разноцветные коктейли.

Писатель шел через танцпол, стараясь никого не задеть. Некто, похожий на официанта, держал в руках блестящий металлический поднос, на котором стоял всего один стакан, наполненный светло-желтой жидкостью. Человек любезно предложил ему выпить.

Напиток оказался одновременно кислым, сладким и слегка с горчинкой. Писатель сделал всего пару глотков, когда мир начал плыть. Люди двигались то медленно, то убыстрялись до невероятных скоростей.

– Твою – то мать! Что они туда добавляют? – подумал Писатель, и в этот момент сознание снова изменилось. Казалось, где-то взорвалась бомба и по телу пробежала ударная волна.

Воздух стал тягучим, словно гель. Музыка звучала глухо, словно весь зал был заполнен водой. Было ощущение, что если вдохнуть по сильнее, можно захлебнуться. Прикладывалось немало усилий, чтобы пересечь танцпол. Очень хотелось пить. Он спросил у проходящего мимо парня, где находится туалет, не узнав при этом собственный голос. Высокий бледнолицый юноша со стеклянными глазами указал на дверь в конце зала. Писатель плыл по заданному курсу, пытаясь думать о чем-то конкретном, но мысли текли сами по себе, подобно воздуху вокруг него. С трудом он все-таки добрался до заветной двери. Яркий свет больно резал глаза. Кафельная белизна пола и стен ослепляла. Касаясь холодной стены, он на ощупь отыскивал раковину, жадно всасывая пересохшим ртом живительную влагу. Сердце, до этого готовое выпрыгнуть из груди, стало постепенно успокаиваться. Начали возвращаться привычные ощущения. Он смотрел на свое отражение, слушая стоны, доносящиеся из соседней кабинки. Судя по сладости, это было не изнасилование, поэтому Писатель решил не вмешиваться. Он уже собирался покинуть уборную, когда дверь туалета распахнулась, и внутрь вбежал парень. Его испуганные глаза казались стеклянными шарами, вставленными в белое как воск лицо. Синие губы изогнулись в подобии улыбки, обнажив изъеденные карием зубы.

– Помоги мне! – простонал парень, падая на колени.

– Чем? Или в чем? – писатель пытался его поднять.

– Он хочет убить их! Понимаешь? Убить! Всех, кто там! – парень указал в сторону танцпола – Там! Она тоже там! Она погибнет! Понимаешь!

– Нет, – ответил Писатель, глядя в безумные глаза незнакомца. Он понимал, что парень может находиться под действием наркотиков или энергетиков.

– Я покажу! – шептал парень – Я покажу, покажу! – его голос звучал все громче. Схватив Писателя за руку, он рванулся в дверь. Они стояли у края танцпола, глядя на веселящихся людей.

– Вот она! – парень указал на девушку в красном платье. Ее бронзовые локоны качались в такт телодвижениям. В глазах туман, на губах счастливая улыбка. Девушка танцевала не так, как все. Это не она танцевала под музыку, а музыка подстраивалась под ее движения. И свет, розово-желтой дымкой струился вокруг нее. На ее фоне все остальные выглядели безликой серой массой.

– Кто она? – спросил Писатель, восхищенный красотой девушки.

– Моя! Она моя! Я люблю ее! – парень сжал кулаки, и острые костяшки выступили из – под бледной кожи.

– Ты можешь нормально объяснить, что здесь происходит?

– Нормально? Нормально! Все эти люди скоро умрут! Так нормально?

– Откуда ты знаешь?

– Знаю! В этом есть и моя вина. Я работаю в этом клубе. Несколько дней назад в наш город приехал знаменитый ди-джей. Начальник приказал сделать все возможное, чтобы он выступил у нас. Звезд такого уровня здесь еще не было.

Я приехал к нему в гостиницу. Надо признать, что такие самодовольные кретины мне еще не встречались. Он вел себя так, словно я должен ему ноги целовать только потому, что его высочество позволил себе снизойти до меня, простого смертного. Я уже собирался уйти, когда из моей папки выпал конверт с фотографиями моей любимой. В тот день у нее была фотосессия. Снимки лежали на полу красивым веером. Ди-джей поднял одну фотографию, на которой она была в красном платье. Что-то изменилось в нем в тот момент. Его дерзость улетучилась без следа. Он мгновенно согласился выступить. Единственным условием было, чтобы эта красавица была в зале. И на ней должно быть это же платье. Я, воодушевленный таким поворотом событий, ничего не заподозрил. Мы подписали документы в тот же день. Все складывалось превосходно. Шеф был доволен, девушка в восторге. Мне не составило большого труда уговорить надеть это платье. И все завершилось.

Вчера ночью ко мне пришел человек и принес с собой диск. Он уверял, что на нем записана вся правда об этом музыканте. Я подумал, что это просто псих или какой другой недоброжелатель. Какое мне дело до разборок этого ди-джея? Незнакомец успел оставить диск, прежде чем я закрыл дверь. Дел особых не было, и мне стало интересно, о чем говорил тот человек.

Я вставил диск. Сначала шло выступление музыканта. Ничего особенного: обычный клуб, хорошая музыка, много людей. Я не обратил внимания, что дома становится холодно. Сет был в самом разгаре, когда музыка неожиданно стихла. Видимо, оператор, снимающий выступление, выронил камеру, так как изображение повернулось набок. Я подумал, что видео закончилось. Хотел выключить компьютер, но обнаружил, что полностью парализован. Потом на экране возникла фигура ди-джея. Он спускался в зал, обходя застывшие тела. Мужчины были ему не интересны. Его интересовали девушки. Осматривал каждую так, словно собирался купить одну из них. И он выбрал. Девушка в красном платье с бронзовым цветом волос. Откинув с юного лица прядь, музыкант стал целовать красавицу. Губы, щека, ухо, пока не замер возле шеи. Это выглядело так, словно он что-то шептал ей. Но когда ди-джей вновь показал свое лицо, оно все было залито кровью. Мертвое тело жертвы упало на пол. На шее виднелась рваная рана. Безжизненные глаза были полны ужаса и боли. Она смотрела в камеру и просила у меня помощи. А я сидел в кресле и не мог даже закрыть глаза, чтобы не видеть этой страшной картины. Музыкант смотрел в камеру, слизывая с губ липкую кровь. Он улыбался, хотя это больше походило на звериный оскал. Это продолжалось всего несколько минут, но в тот момент я был уверен, что прошло не менее часа. Убийца вытер рукавом остатки крови и удалился в темноту зала, плавно обходя застывших людей. Когда он исчез, тела рухнули на пол и съемка прекратилась.

Паралич прошел через три часа после просмотра, но мне все еще было холодно. Эта адская музыка звучит в моей голове со вчерашнего дня. Я пытался объяснить руководству клуба, что со мной происходит. Начальник лишь посмеялся, решив, что я переборщил с наркотиками. Об этом не говорилось в открытую, но каждый знает, что от уборщика до управляющего все употребляют наркотики. Можно нюхать, курить, глотать таблетки, но в меру. Главное, чтобы это не отразилось на рабочем процессе. Только колоться запрещено, шеф этого не выносит. Мне никто не поверил. Утром я пришел в клуб. Вроде все как всегда, вот только степень опьянения и посетителей, и сотрудников была на грани передозировки. Это не люди, а ходячие зомби. Меня не видели и не слышали. Я мог сломать стул о голову любого присутствующего, и он бы не заметил. Позже я выяснил, что наркотик подмешивают в напитки. Такого раньше тоже не было. До выступления осталось очень мало времени. Что мне делать?

Писатель молчал. Если все это правда, то на его глазах должно произойти массовое убийство. С одной стороны, он чувствовал, что должен вмешаться, но с другой, ясно понимал иллюзорность всего происходящего. Но как объяснить это парню?

– У меня есть идея! Только послушай меня, хорошо? – парень одобрительно кивнул. – Это звучит как шутка, но ты должен мне поверить. Все, что происходит, просто сон. Ты спишь. Твоя девушка в безопасности. У тебя есть два варианта. Или ты проснешься, или выбьешь клыки этому вампиру. Могу тебе помочь, если захочешь.

Несколько секунд парень смотрел в глаза Писателю, а потом схватил стакан с подноса мимо проходящего официанта и разбил его о пол. Поднял один из осколков и провел по запястью левой руки. Кровь темными каплями падала на пол.

– Сон? Это, по-твоему, сон? У меня кровь идет! Мне больно!

– Я знаю, что в это трудно поверить. Это очень реалистичный сон. Но все происходит не по-настоящему.

– Да ты под кайфом! Твою то мать, как я сразу не сообразил! Нашел у кого помощи просить, – парень развернулся, чтобы уйти, но Писатель его остановил.

– Да! Я под кайфом! Потому что какой-то кретин подsunул мне волшебный коктейльчик. Ничего что мы тут с тобой так мило беседуем? Я вообще понятия не имею, как меня занесло в твой сон. Я в коме! И проснуться хочу не меньше твоего.

– Я не верю тебе! – сказал юноша и растворился в толпе. Он возник вновь возле юной красавицы. Хватая за плечи, парень тряс ее, стараясь привлечь к себе внимание. Но все было безуспешно. Опьяненная коктейлем, она продолжала танцевать, выскользывая из рук возлюбленного. Вдруг музыка стихла. Толпа замерла, устремив взгляд в сторону сцены. На залитую желтым светом площадку вышел высокий длинноволосый человек в темных очках. Черный камзол, расшитый золотом, был застегнут на все пуговицы. Музыкант откинул с бледного лица прядь вьющихся волос, и толпа взвыла, приветствуя своего кумира. Улыбнувшись, он резко поднял левую руку вверх, и в зале воцарилась тишина.

– Чему вы радуетесь? – раздался властный голос звезды.

– Вам! Вам! Мы любим Вас! – закричала толпа так, что загудел пол под ногами Писателя. Ди-джей снова взмахнул рукой, и зал стих.

– Вы заплатили огромные деньги, что бы попасть сюда! Хотите получить удовольствие. А готовы ли вы заплатить еще больше?

– Да! Готовы! Сколько? Скажи! – кричала толпа, швыряя в воздух денежные купюры.

– Деньги? Зачем мне эти бесполезные бумажки! А вот жизнь – достойная цена за удовольствие. Готовы ли вы отдать мне свои жизни?

– Готовы! – взревела толпа, требуя начала концерта.

– Сейчас без пяти двенадцать. Я писал эту музыку тысячу лет. Могу себе позволить подождать еще пять минут.

Толпа одобрительно зашумела.

– Справился с пьяной толпой? Доволен? – произнес возникший на сцене парень. В руках он держал блестящий предмет, напоминающий обрeзок трубы или прута.

Музыкант, улыбаясь, медленно отошел назад.

– Ты никого не убьешь! Понял? Никого! – крикнул парень и бросился на ди-джея, но музыкант оказался проворней. Увернувшись от удара, он столкнул парнишку со сцены.

– Этот безумец хочет лишитъ вас удовольствия! – кричал музыкант, но толпа его уже не слышала. Бездыханное тело проплыло над головами людей и было выброшено за край танцпола. Писатель не стал подходить, он и так все видел. Смотреть на истерзанное тело дважды ему совсем не хотелось. Музыкант довольно улыбнулся и встал за пульт. Чарующие звуки заполнили клуб. Писатель почувствовал приятное тепло, плавно перетекающее в эйфорию. Он уже не контролировал свое тело. Некая невидимая сила заставляла его двигаться в такт музыке. Она проникала внутрь, отчего все органы приятно вибрировали. Писатель пытался противостоять наваждению, но все было тщетно. Неизвестно, как долго это продолжалось, но когда музыка резко закончилась, танцующая толпа застыла в сплетении жутких поз. Люди напоминали деревья сказочного дремучего леса. Писатель не мог пошевелиться. Ему оставалось лишь наблюдать. Тем временем ди-джей спустился в зал, обходя застывшие тела медленно и плавно. Среди этой серой массы горело яркое пламя красного платья. Музыкант вплотную подошел к девушке. Бледной рукой, отодвинув прядь бронзовых волос с бархатного лица, он глубоко вдыхал дивный аромат ее духов. Когда ди-джей коснулся губами ее шеи, девушка вздрогнула, издав короткий, но мучительный стон. А потом, ее свет стал гаснуть. Она словно начала выцветать, принимая цвета стоящих вокруг людей. Даже платье из красного стало серым, безжизненным. Девушка упала на пол. На ее шее виднелась не большая рваная рана, из которой еще сочилась кровь. Вампир стер с лица остатки трапезы и взглянул на Писателя поверх темных очков. В его глазах была жажда. Звериная улыбка обнажила запачканные кровью зубы. Спрятав глаза за черный панцирь очков, музыкант удалился в темноту клуба, а за его спиной живые скульптуры начали кровоточить. Кровь текла из ушей и глаз, носов и ртов темными ручей-

ками, пока не вытекла вся. Мертвые тела развалились на части, заполняя танцпол фрагментами человеческого тела.

– Я вижу свое тело! Моя голова лежит у собственных ног! Боже, как же это страшно. Но я чертовски рад, что это всего лишь сон...

Сон 7. Ад

– Уважаемый! Вы меня слышите? Проснитесь, пожалуйста, будьте так любезны! – настойчивый гнусавый голос звучал над ухом Писателя. Ему почему-то совсем не хотелось открывать глаза. Он уже знал, что не увидит ни больничной палаты, ни людей в белых халатах. Запах был не тот. Пахло потом и пылью. А еще было очень душно.

– Нет, ну вы посмотрите, он издевается! Товарищ Писатель, встаньте уже! Не дурачьте меня!

– Так и заставят ведь встать! – подумал Писатель и открыл глаза. Над ним висело сиреневое небо с плывущими по нему фиолетовыми облаками. Ветер пронес над лицом конфетную обертку.

– Ну ничего себе креатив! – произнес он вслух.

– О, проснулся-таки! А я уж переживать начал, не случилось ли чего? Как Ваше драгоценное? Может, хотите чего? – суетился невысокий полный мужчина. Писатель встал. Оказалось, что «колобок» почти в два раза ниже ростом.

– Сейчас бы водочки.

– Я бы рад! Рад, но не могу! Не потому что не хочу, я, наоборот, хочу, а не могу, потому что нету!

– А пива?

– Уж простите великодушно, но пива тоже нет! И сигарет!

– А что есть?

– Есть молоко, йогурты там всякие и прочие молочные и кисломолочные продукты! Хотите?

– Нет уж, спасибо! Я молоко терпеть не могу.

– А придется! – карлик сунул руки в карманы пиджака, и в тот же миг за спиной Писателя возникли два здоровенных амбала. Один схватил его так, чтобы тот не мог пошевелиться, другой открыл ему рот и стал заливать туда молоко из грязного металлического ковшика. Теплая белая жидкость текла по пылающему пищеводу.

– Достаточно! – скомандовал карлик, и здоровяки отступили.

Писатель упал на колени, пытаясь освободить желудок.

– Не пытайтесь! Ничего не выйдет. Мы знаем, что вы не переносите молоко. Осталось подождать, пока оно подействует, – с довольным выражением лица карлик потер ладони.

– Что за хрень здесь происходит? Кто вы? И где я нахожусь?

– Разве вы еще не поняли? Я буду обращаться на Вы. Хорошо?

– То, что это очередной сон, я уже понял. Зачем вы напоили меня молоком?

Карлик ответил не сразу. Сложив руки за спиной, он несколько раз прошелся из стороны в сторону.

– Да, вы правы! Это сон! Пока сон! Что касается вопроса «Где Вы?», отвечаю: – Вы находитесь в аду. Соответственно, мы – черти. То, что происходит с Вами после употребления молочных продуктов, мягко говоря, неприятно. Причем как Вам, так и окружающим. Это отличный способ доставить неудобство, не так ли? За грязный ковш не обижайтесь, мы не могли его не испачкать. Надеюсь, Вы нас понимаете.

Писатель смотрел на карлика с такой ненавистью, что тот отшатнулся, изобразив на лице гримасу ужаса. А потом он и два гоблина рассмеялись.

– Нет, ну надо же, а? Глаза? Вы видели эти глаза? – карлик давился от смеха. – Да ничего вы не видели! Придурки! Он же к вам спиной стоял! – смахнув слезу, черт пытался отдышаться. Карлик вплотную подошел к Писателю. Его лицо уже не выражало страха или смеха, теперь это был гнев. Маленькие глазки буравили Писателя, словно два металлических штыря. Тот,

в свою очередь, смотрел на коротышку сверху вниз, еле сдерживая улыбку, и только желудок предательски урчал.

Вдруг карлик начал увеличиваться в размерах. По мере того, как он рос, одежда трещала по швам. Кожа лопалась на его теле, обнажая другое, настоящее тело. Глаза налились кровью, огромные желтые клыки возникли на месте ровных и белоснежных зубов. Лобная кость затрещала, освобождая винтообразные рога. Слизь текла с покрытого шерстью тела. Земля скрипела под тяжестью его копыт, а когти на руках сияли металлическим светом. Черт издал протяжный рык, обдав Писателя ароматом прогнившей плоти. Молоко и так давало о себе знать, но после такого представления он не смог сдержать рвотный позыв. Когда он окатил копыта вязкой пахучей жижей, двое, стоявших позади него, испуганно вздрогнули. Они тоже изменили свой внешний вид, приняв облик огромных мерзких свиней, что, однако не мешало им выглядеть жалкими и напуганными.

Черт взревел, мышцы его напряглись. Он был готов наброситься на Писателя в любой момент, но события развернулись иначе. Не желая дышать зловонным ветром, вырывающимся из пасти черта, Писатель подобрал ковшик, из которого не так давно пил молоко, и, хорошенько размахнувшись, ударил монстра в челюсть. Черт, явно не ожидавший такого поворота событий, отшатнулся назад, но, поскользнувшись на содержимом писательского желудка, рухнул на землю, при этом сломал правый рог. Здоровяки поспешили на помощь к своему начальнику, но тот поднялся быстрее.

Злость кипела во всем его существе.

– Ты! Ты будешь гнить в самых глубоких ямах! Будешь вариться в самых горячих котлах, ты...

– Да не ори ты! Дышать уже нечем. Забрызгал тут слюной все, шагу ступить некуда. Баран однорогий. – Черт, явно ошалевший от такой наглости, медленно оцупал рога. Глаза расширились, когда рука дотронулась до сломанного рога. Обернувшись, монстр увидел обломок. Вопль злости и боли прокатился по чертогам ада.

– Навсегда здесь останешься! Слышишь? Навсегда!

– Стесняюсь спросить, а с каких это пор рядовые черти решают кому, где и сколько быть? Мне кажется, такими делами заведует кое-кто повыше? – Черт задыхался от ненависти, пытался что-то сказать, крепко сжимая в руке обломок рога. Он пыхтел, широко раздувая ноздри. От напряжения на свином рыле выступил мутно-белый пот, а в воздухе запахло едкой кислотой.

– Мы все равно будем тебя ждать! Слышишь? Ты находишься между жизнью и смертью, но твое время еще не пришло. Мы умеем ждать, и поверь: обязательно дождемся! – хрипел черт, пуская густую желтую пену.

– Ну, это еще далеко не факт! Дальнейшую судьбу моей души будет решать страшный суд. – Писатель вызывающе щелкнул языком, что привело черта в еще большее бешенство. Хвост извивался как у разъяренной кошки, кулаки сжаты до хруста костей.

– Глупец! Ты даже не представляешь, что тебя ждет, окажись ты в аду!

– Глупец – это ты, а я уже в аду! Хватит пустословить, проводи уже свою экскурсию! Ты ведь здесь для этого?

Черт стиснул кривые зубы, отчего пена разлетелась в разные стороны.

– Иди за мной! – прорычал слугитель ада.

– Нет, давай ты вернешься в состояние маленького злобного чебурашки, а то от тебя воняет так, что мухидохнут.

– А это не я! Это ты! Ты создал этот образ в своей голове, а я просто его принял.

– И каков твой настоящий облик?

– Все зависит от фантазии человека, но чаще всего я выгляжу примерно так.

– Понятно. Но ты меняйся, меняйся. Я жду.

Черт стал уменьшаться в размерах. Обратная процедура сопровождалась ужасным звуком, напоминающим хруст или треск. И через пару секунд перед Писателем снова стоял карлик, лысый и безобидный.

– Как же теперь с одним рогом? – усмехнулся Писатель.

– Починят! – обиженно буркнул черт, убирая в карман пиджака сломанную гордость.

Они шли по выжженной земле, при каждом шаге поднимая клубы пепла.

– Куда мы идем?

– В город.

– В аду есть города?

– Здесь все есть. Только, как правило, это вам не нужно.

Писатель шел, глядя себе под ноги. Через какое-то время он заметил, что пепел стал светлее.

– Ноги жжёт.

– Город близко, – сухо отозвался карлик.

Некогда теплый ветер становился все горячее, принося с собой запах серы и горелого мяса. Писатель смотрел себе под ноги, когда возникла грязная стена каменных джунглей. Безжизненные скелеты домов смотрели на четверку пустыми глазницами окон. Серый. Этот цвет был везде. Земля, стены, асфальт. Разные тона одного цвета.

Внимание Писателя привлек возникший на горизонте столб пыли. Черная, маленькая точка, поднявшая этот шлейф, приобретала очертания автомобиля. Огромный, черного цвета внедорожник мчался по пустынной улице адского города. Машина преградила путь компании, остановившись с пронзительным свистом тормозов. Солидного вида человек вышел из внедорожника.

– Мужик! Продай мне че-нить, а? – обратился он к Писателю.

– Мне нечего продать!

– Ну хоть что-нибудь! – взмолился мужчина, падая на колени. Он кидал к ногам Писателя пачки денег, которые доставал из-за пазухи и карманов. Теперь его вид был далеко не солидным. Строгий костюм оказался мятым и засаленным, белая рубашка грязной, а туфли покрыты толстым слоем грязи. Его внешность менялась настолько стремительно, что Писатель впал в некое оцепенение. Когда он пришел в себя и наклонился, чтобы подобрать деньги, вместо купюр оказались сухие дубовые листья. Они рассыпались при малейшем прикосновении. Позади стоявшего на коленях человека дорогой автомобиль покрывался пятнами ржавчины. Стекла хрустели от появления трещин, колеса спускались. Человек рыдал. Слезы текли по заросшему щетиной лицу. Когда Писатель вновь наклонился, из его куртки выпала тетрадь. Мужчина вцепился в нее костлявыми пальцами.

– Продай! Продай мне ее! Верни мне себя, пожалуйста! Пожалуйста! – хрипел человек.

– Я не могу! Она... она нужна мне!

– Продай! – взревел покупатель.

– Нет! – писатель выдернул тетрадь из цепких рук.

Сплюнув, незнакомец поднялся. Теперь это был тот же лощеный богатей, коим был до превращения. Дубовые листья снова становились деньгами. Мужчина небрежно закидывал их на заднее сиденье дорогого авто.

Открыв водительскую дверь, покупатель обернулся.

– Не продашь? – еще раз спросил он.

Писатель отрицательно покачал головой, после чего разгневанный мужчина прыгнул в машину. Взвизгнув шинами, автомобиль унесся прочь, оставив позади себя облако пыли и удивленного Писателя.

– Кто это был? – спросил он у Черта.

– Один из местных обитателей. Ничего особенного. Таких здесь много. Разница в том, что он попал сюда не так давно. Никак не смирится со своим новым положением. Хотя, по правде говоря, никто не смирился.

– По правде? Что есть правда в устах Черта?

– А у Вас есть выбор?

Писатель огляделся в поисках чего-нибудь тяжелого, но как нарочно не увидел ничего подходящего.

– Субботники вы тут проводите что ли?

– О! Есть такие, кому и уборка кажется адом! – черт ехидно засмеялся.

Писатель еще раз осмотрел пустынную улицу. Было жарко. Идти совсем не хотелось, но и стоять на месте тоже. Вдохнув горячий воздух, он побрел дальше. В городе царила поистине мертвая тишина.

– Где все? Что за ад без грешников?

– Твой ад – твои условия!

Писатель остановился.

– Хорошо! Тогда я тебя задушу! – он протянул руки к Черту, и самодовольная ухмылка мгновенно исчезла. Как-никак в кармане покоился сломанный рог.

– Ладно, ладно! Чего ты хочешь?

– Что здесь происходит?

Черт насупился и щелкнул пальцами. Мгновение, и улица заполнилась людьми. Это напоминало фильм ужасов. По улице бродили мужчины и женщины. Богатые и бедные. Некоторые напоминали живых мертвецов. Их тела разлагались под палящим солнцем, источая тошнотворный запах. Они говорили, пели и стонали. Кричали и плакали. Кто-то шел с бесчувственным выражением лица, натыкаясь друг на друга. Тысячи ног поднимали пепел и пыль, отчего становилось тяжело дышать. Чья-то липкая рука схватила Писателя за плечо. Обернувшись, он увидел дряхлого старика. Одежда его была изорвана. Седые волосы скрывали лицо.

– Пить! Я хочу пить! – прошептал незнакомец пересохшими губами.

Писатель оттолкнул его, и толпа унесла старика, подобно горному потоку. Черт снова щелкнул пальцами, и люди замерли. Они больше походили на восковые фигуры, чем на живых людей.

– Ну, как?

– Жутко...

– А мне нравится! Так на чем мы остановились?

– Что здесь происходит? – задумчиво напомнил Писатель, разглядывая застывшие тела.

Черт устало выдохнул, бросив скучный взгляд на одно из тел.

– Тот тип на дорогом авто очень богат. У него есть все. Деньги, машины, яхты, женщины. Но пару дней назад в сауне, будучи изрядно пьяным, в разговоре со своим другом он случайно обмолвился одной фразой: – «Все вокруг жалуются, что у них нет денег. Они вопят, что это ад. Но они не знают. Не знают! Настоящий ад – это иметь деньги. Я не боюсь их потерять. Даже если у меня отберут все, или деньги потеряют свою цену, я всегда смогу заработать еще. Я боюсь, что однажды мои деньги перестанут брать. Не спрашивай, почему. Это просто мой страх. Мой маленький, персональный ад!»

Стоит ли говорить, что в сауне, помимо бизнесменов, бандитов и проституток, был кое-кто еще? Мы всегда рядом! Мы везде! Наши сборщики информации контролируют все человеческие страхи. Ты испугался – мы записали. Подумал о плохом – мы это воплотили. Кто-то из вас сказал, что плохое быстрее сбывается! Гениальная мысль, а главное, верная. А знаете, почему? Вы боитесь думать о хорошем! Вы, люди, трусливые, неуверенные в себе, жалкие существа. Можно обмануть один раз, а потом замаливать свой грех до конца дней, но вы врете изо дня в день, по поводу и без него. Вы совершаете убийство без оружия. Ваши слова еще

хуже. И это здорово! Нам остается самая малость – направить вас на нужный путь. Дальше все решится само собой.

– Почему ты не продал ему свою тетрадь?

– Она мне нужна.

– Зачем? Ты висишь на волоске от смерти и продолжаешь цепляться за вещи, которые здесь тебе совершенно не нужны.

Писатель задумался над словами Черта, сжимая в руках потрепанную тетрадь. Он медленно пролистал страницы. Исписанные листы были запачканы грязью и сажой, пылью и кровью. Чистые тоже не отличались белизной, но выглядели лучше. Они были готовы принять на себя любой текст. Любое слово. Будь то правда или вымысел, жизнь или смерть. Они готовы, ведь бумага стерпит все. А пока есть чистые страницы – есть шанс на счастливый конец.

– Это и есть тот самый волосок! Продав тетрадь, я продам жизнь!

– Глупец! А если ты ошибаешься? Если эта тетрадь ни на что не влияет? Ты мог заработать деньги!

– Или дубовые листья... И зачем мне деньги в аду? Вы все равно сделаете все возможное, чтобы я не мог ими воспользоваться.

– Сделаем! Обязательно сделаем! Вместо денег дубовые листья видят только те, кому он их предлагает, сам же он видит деньги.

– А на самом деле?

– А на самом деле ничего этого нет вообще! Это всего лишь скопление снов. Людям часто снится ад.

– Так, значит, тот бедолага жив?

– Жив! Пока еще.

– А почему листья дубовые?

– Любит он попариться дубовым веником! Это ирония, понимаешь? Времени мало, я должен тебе еще многое показать. Пошли.

Тела снова пришли в движение. Писатель стоял посередине улицы, зажмурив глаза. Ему хотелось проснуться. Но кошмар не заканчивался. Он слышал крики и стоны. Слышал шаги идущих трупов. Они тянули к нему руки. Он знал, что где-то под землей находится настоящий ад. С котлами и грешниками. Жар пламени проходил сквозь тонкую подошву старых кед. А потом земля ушла из-под ног. Он летел вниз, навстречу огню. Ему было больно и страшно. Из всех сил сжимая тетрадь, он старался не открыть глаза. Боль была нестерпимой, когда Писатель лишился сознания...

Сон 8. Странник

Писатель лежал в мокрой траве. Наверное, не так давно прошел дождь. Над ним белой дымкой плыл туман. Кожа рук и лица неприятно зудела.

– Ожоги, – подумал Писатель, и дрожь пробежала по телу.

Впервые за все время он осознал, что не видел своего отражения. Писатель поднялся, отчего в глазах потемнело. Туман был гуще, чем казался на первый взгляд. Через несколько шагов его кеды промокли. Белая пелена обволакивала тело. Он ощущал себя абсолютно слепым, но иногда туман расступался, и Писатель мог видеть темно-зеленую траву, покрытую крупными каплями воды. Мыслей не было. Казалось, что туман проник в голову.

Тетрадные листы впитали влагу, отчего текст выглядел слегка размытым.

«Ужас. Это не то, что показывают в фильмах. Об этом не поют в песнях и не пишут в книгах. Попыток много, но они не отражают правды. А что есть правда? Как верить служителю ада, если он делит свои слова надвое? Как верить себе? Нет, это был не ад. Набор картинок различных художников. И все-таки это было страшно. Этот запах горелой плоти будет преследовать меня всю жизнь. Впрочем, я не уверен, что живу. Я уже ни в чем не уверен. Самое страшное, что если после смерти мне придется отправиться в ад, я попаду именно в такой ад. Он засел в моей голове. Теперь это мой ад».

Писатель закрыл тетрадь. Туман рассеялся. Вокруг был все тот же мертвый лес. Деревья тянули свои колючие ветви, словно скелеты хотели затащить Писателя в чертоги ада. Трава исчезла. Теперь под ногами была каменистая тропа. Воздух. Что-то в нем было не так. Писатель шел, разглядывая камни, пока вновь не появился туман. Точнее это было небольшое облако. Подержав в своих мокрых объятиях, оно медленно отпустило Писателя, плавно уходя сквозь колючие заросли. Так повторилось еще несколько раз, пока огромное облако не поглотило все вокруг. Писатель был мокрым до нитки. Ему не нравился этот сон. Он просто куда-то брел. И не было даже малейшего намека на сюжет. Туман снова исчез. Вокруг уже не было леса. Только белое покрывало облаков под ногами и яркое солнце над головой. Писатель смотрел на чарующую красоту, и ему хотелось плакать. Он почувствовал неожиданно навалившуюся усталость. Тишина. Только облака, солнце и одиночество. Сильный порыв ветра порвал белоснежное покрывало, обнажив черное острие горных хребтов.

– Горы! Я в горах! С ума сойти!

Внезапная радость вызвала в Писателе желание запечатлеть возникшую красоту. Но тот, кто владеет словом, как правило, плохо владеет карандашом. Оставив неуклюжую попытку, Писатель занялся привычным делом.

«Горы. Я никогда не был в горах. Это поистине чудесно. Горные хребты, словно спины огромных китов, виднеются на поверхности океана. Еще дуновение, и облака снова расступились, открыв узкую тропу, по которой идет серая фигура человека...»

– Человек? – прошептал Писатель. – Человек! – голос сорвался на крик, сопровождаемый гулким эхом.

Писатель побежал навстречу, едва не слетев вниз. Высокий старик в сером плаще отрешенно смотрел на приближающегося человека. Морщинистое лицо не выражало эмоций, глаза не имели цвета. Только его молочно-белая борода излучала мягкий свет. Серебристый посох, украшенный драгоценными камнями, не сочетался с нарядом старца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.